

А. Федоровъ-Давыдовъ.

Томъ I.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

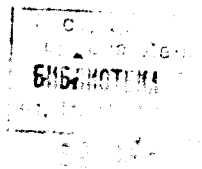
„Сказка это—душа
ребенка и народа“.
Я. Гриммъ.

Мы знаемъ много народныхъ русскихъ сказокъ, мы ихъ читали и перечитывали; но несравненно больше народныхъ русскихъ сказокъ мы не знаемъ, а если когда-нибудь и читали или слышали, то давно забыли.

Кто любитъ сказку своего народа, кто чувствуетъ въ ней всё́мъ сердцемъ что-то родное, дорогое ему, хорошее,—тотъ любитъ свою родину и свой народъ, частицу котораго онъ составляетъ и самъ.

Богатство сказокъ, ширь мнѳологическихъ воззрѳній только выше ставить народъ, творчество котораго могло оставить своему потомству такое богатство. Въ самомъ дѳлѳ, въ опоеэтизированіи явленій природы небесныхъ тѳлъ, временъ года; въ опоеэтизированіи челоѳъка въ разныхъ стадіяхъ его развитія,—разѳъ все это не доказываетъ вдумчивость „сказителя“ сказокъ, его наблюдательность, его критику дѳйствій и поступковъ сказочныхъ героевъ. Въ чисто-народной сказкѳ фантастическій элементъ прочно спаивается съ обыденной жизнью, частью проникая за ея предѳлы, еще чаще втягивая бытовую картинку въ свою фантастическую область. Нигдѳ, какъ въ сказкѳ, молодая, мало развитая, младенческая отвлеченная мысль челоѳъка не пріобрѳтаетъ такой мощности перваго своего полета выше земли и ея мелочности!..

И эти полеты фантазіи заставляютъ челоѳъка волей-неволей жертвовать всей жизнью на землѳ. Въ немъ вырабатываются совершенно новые взгляды на все окружающее его, и этотъ взглядъ даетъ новый толчокъ самосознанію челоѳъка.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая улица, свой домъ.
Москва. — 1912.

Помимо пробужденія мысли человѣка сказкой, въ ней вы можете видѣть первые проблески моральнаго развитія нравственности человѣка. Сказка уже умѣетъ ярко отдѣлить дурное отъ хорошаго; она впервые проводитъ грань между положительнымъ и отрицательнымъ понятіями, при полной своей симпатіи къ проявленію первыхъ и къ осужденію вторыхъ. Слѣдовательно, за сказками можно признать еще и существенную воспитательную задачу... Практическій вѣкъ нашъ, стремящійся къ улучшенію внѣшняго образа жизни, безсиленъ отъ воздѣйствія на духовную жизнь человѣка. Практическій вѣкъ не задушилъ сказку, такъ какъ для этого надо сначала извести живого человѣка,—но онъ все же отстранилъ сказку отъ дѣтскаго возраста, находя ее даже „вредной“. Большой узости и недалковидности нельзя и проявить, заподозрѣвая сказку въ злоупотребленіи оказаннымъ ей довѣріемъ. Можетъ ли быть вредъ отъ того, что сказка путемъ увлекательнаго повѣствованія лишній разъ фактически подтвердитъ ту истину, что только добро и можетъ жить, а зло даже и при первомъ внѣшнемъ успѣхѣ, въ концѣ-концовъ, терпитъ полное пораженіе!

Сказку упрекаютъ въ излишне-частомъ увлеченіи ребенка въ область фантастическихъ мечтаній, какъ упрекаютъ за ложное внушеніе ребенку фактовъ очеловѣченія животнаго міра. Но это уже придира, къ которой только и можетъ прибѣгать узость взгляда и черствость сердца.

Въ самомъ дѣлѣ, встрѣчали ли вы нормальныхъ дѣтей, которыя, наслушавшись сказокъ о говорящихъ котахъ, зайцахъ и птицахъ, увѣрились въ обладаніи этими животными даромъ слова? Повѣрьте, нѣтъ. И если ребенокъ стряпаетъ обѣдъ куклѣ и спрашиваетъ ее обо всемъ, что ни придетъ въ голову,—неужели можно предположить, что ребенокъ ждетъ, когда кукла сама начнетъ ѣсть или отвѣчать на эти слова? Одинъ ужасъ при ожившей внезапно куклѣ могъ бы до полусмерти напугать ребенка. Отнимая сказку отъ ребенка и низводя его въ область практическаго резонерства, мы неминуемо должны умертвить въ немъ все живое, что не поддается рамкамъ условности; мы должны на- сильно ампутировать у него тотъ самый даръ Божій, который имевается духовной жизнью,—совѣстью, любовью, истиной. Другими сло-

вами, изъ живого своеобразнаго, самобытнаго характера мы искусственнымъ способомъ хотимъ сдѣлать изъ человѣка манекенъ, автоматическій счетчикъ, тупицу, способнаго интересоваться только узкимъ эгоистическимъ кругомъ, создавшимся передъ его глазами. Интересно знать, на что бы могъ быть пригоденъ такого рода эгоистичный тупица,—этотъ бичъ общественной жизни и творческой дѣятельности человѣческаго генія!..

* * *

Нѣтъ, сказочный міръ чарующей прелестью своей первый формируетъ психическую жизнь молодого организма: въ наивныхъ образахъ, крупными штрихами, въ широкомъ масштабѣ времени и мѣста (за тридевять земель, въ старопрежніе годы и т. п.), обрисовываетъ первыя понятія о добромъ и зломъ началахъ и преимуществахъ перваго передъ вторымъ; сказка вырисовываетъ общій крупный типъ своихъ героэвъ, которые развиваютъ передъ слушателями ея дуалистическую несложную теорію. Она смѣло открываетъ передъ глазами ребенка чудныя картины родной природы и помощью своего поэтическаго творчества сближаетъ природу съ человѣкомъ, котораго научаетъ любить ее, всемъ сердцемъ. Заставляя животныхъ говорить и дѣйствовать разумно въ пользу героя или во вредъ, сказка незамѣтно внушаетъ ребенку симпатію или антипатію къ тому или иному животному, тѣмъ самымъ научая его опасаться хищника и щадить слабаго и незащитаго звѣрка.

Сказка одухотворена фантазіей. А что же помимо фантазіи давало человѣческой мысли толчки къ пробужденію и развитію? Развѣ не фантазія помогла человѣку создать культъ божества? Развѣ не фантазія наталкивала человѣка на изобрѣтенія и открытія? Не фантазія развѣ, казавшаяся въ то время безуміемъ, дала возможность Галилею постигнуть истину вращенія земли, а Колумбу—отправиться въ невѣдомое плаваніе?

Помимо чисто-общественнаго значенія своего, сказка создаетъ въ молодомъ организмѣ и основы гражданской жизни человѣка. Она

возсоздаетъ предъ его глазами идеаль семьи и ужасъ семь раздробленной, изъ которой она уводитъ своего героя для возсозданія имъ новой своей семьи на основахъ истиннаго счастья.

Но главное, что даетъ намъ наша родная самобытная сказка, это—сохраненіе въ цѣльности родного языка, картину бытовой минувшей жизни, фizioномію нашего народа, его обычаи, привычки, вѣрованія и, словомъ, русскій духъ, который одинъ только хранитъ, въ свою очередь, единство отдѣльныхъ личностей, который одинъ объединяетъ всѣхъ насъ и даетъ намъ силу любить и цѣнить все свое родное. А безъ этого не можетъ быть ни страны ни народа. Отнимать сказку у дѣтей—это преступленіе, это нравственное убійство въ человѣкѣ задатковъ того, что отличаетъ его отъ животнаго. Такой взглядъ на сказку прежде всего указываетъ на полное непониманіе дѣтскаго міросозерцанія и дѣтской души. Оно доказываетъ только, что и сами такіе „реформаторы“ не имѣли своего дѣтства и, лишены этого счастья жизни, ощупью бродягъ вокругъ да около, преслѣдуя то, чего сами не знаютъ и не могутъ понять, не испытавъ чего-либо подобнаго...

Сказка возникла вполнѣ естественно, а истреблять естественное—это все равно, что подпиливать сукъ, на которомъ сидишь. Какъ бы ни бились господа Молчалины, но живую жизнь они не увидятъ шествующей планомѣрно по ихъ собственному узко-колейному пути, съ шорами на глазахъ. Характеры разнообразны; образованіе ихъ—въ зависимости отъ сотни тысячъ случайностей внѣшняго и внутренняго развитія организма. Богатство этнографическаго матеріала, пѣсенъ, былинъ, сказокъ, преданій, суевѣрій во всей широтѣ показываетъ цѣльность, вдумчивость и глубокое чувство народа, обладающаго этими сокровищами. Въ этомъ отражается вся духовная жизнь народа, который не удовлетворялся одной матеріальной жизнью, который не шарилъ только носомъ по землѣ въ поискахъ за пищей и за удовлетвореніемъ своихъ физическихъ потребностей, но нерѣдко смотрѣлъ и на небо, которое отражалось и прочно запечатлѣвалось въ его сердцѣ. Какъ хорошо и цѣльно доказываетъ этнографическое богатство благодарное отношеніе человѣка къ своей землѣ, которая воспитала его и дала ему средство къ пропитанію!.. Человѣкъ умираетъ, но оставляетъ своему

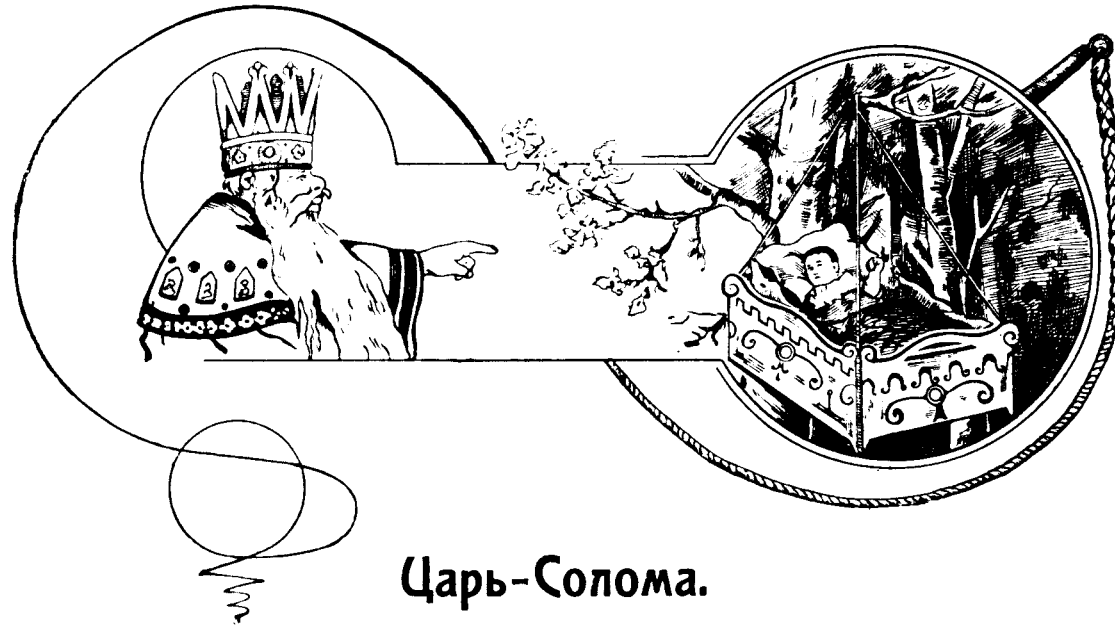
потомству святой завѣтъ хранить свою родину, которую создалъ онъ и закрѣпилъ за собой. Вся исторія русскаго народа отражается въ этихъ пережиткахъ прошлаго для всякаго вдумчиваго наблюдателя.

Важнѣйшіе періоды въ жизни народа, влиявшіе на его общественную жизнь, на его развитіе, на складъ ума и характера,—татарщина, царская власть, крѣпостное право—все это наложило глубокіе, неизгладимые слѣды на духовную жизнь русскаго народа, отпечатлѣлось цѣликомъ на его взглядахъ на жизнь и на окружающую природу и на его характеръ.

Сначала—времена язычества и первыхъ шаговъ христіанства—вольная жизнь,—бодрость и смѣлость во взглядахъ; потомъ скорбь, заупытность напѣвовъ пѣсенъ; затѣмъ униженіе, холопство, трогательное до слезъ, какъ неисходное горе, какъ глубокое убѣжденіе въ неизбежности своей судьбы.

Всѣ эти разнородные періоды русской жизни только показываютъ всю широту русской натуры, ея живучесть и всю разносторонность русскаго духа. И, несмотря ни на какія намѣренно созданныя рамки, несмотря на упорныя попытки то онѣмченія, то ополяченія русскаго народа, могучая воля его, сила народнаго духа преодолѣла эти упорныя попытки и сохранила вѣчно-юную и сильную Русь, народную Русь, Русь лапотника-землепашца... И эту силу, эту самобытность не сломитъ никогда вторженіе иноземщины, которая должна будетъ только отдать лучшее Руси для того, чтобы она все переработала по-своему, все примѣнила къ своей самобытности, все повернула бы на свой салтыкъ.

А. Ө.-Д.

Царь-Солома.

Жилъ-былъ въ нѣкоторомъ царствѣ, въ неизвѣстномъ государствѣ царь, мудрый, жизни примѣрной и грамотный.

Жилось народу хорошо, и царю тоже; но только самъ царь очень тосковалъ, что у него дѣтей не было. И послалъ ему, наконецъ, Богъ сына на радость, да такого пригожаго, такого умнаго, что все диву давались на него. Обрадовался царь, а чтобъ сыну здоровья придать, указалъ онъ повѣсить люльку въ саду царскомъ, на вольномъ воздухѣ, на вѣтру, чтобы царевичъ силы набирался, крѣпчалъ, чтобъ его вѣтромъ перелетнымъ обвѣяло, солнцемъ обрумянило.

А жилъ возлѣ царскаго терема кузнецъ, у котораго о ту пору тоже сыночекъ родился. Вотъ и стала нечистая сила кузнеца смущать:

— „Смѣни да смѣни своего сына на царевича: твой сыночекъ и будетъ царемъ, какъ вырастетъ“.

Послушался кузнецъ нечистой силы, обернулъ сынка въ чистыя тряпки, отнесъ его въ царскій садъ, вынулъ изъ люльки царевича, обернулъ его тряпичкой поплоче, а своего сына положилъ на его мѣсто въ золоченую люльку подъ парчевое одѣяло; потомъ пошелъ да царевича малаго на солому на задворкахъ бросилъ и ушелъ во-свояси.